

напрямик, иногда попадая на узкие тропки. Обычно друг за другом. Тишина ночи, ровный волнистый путь по округлым холмам, плавные подъемы и спуски зачаровывают. Кузьма начинает петь. Он поет как дикарь, импровизируя, рассказывая в своей песне о том, что происходит сейчас или что только что произошло: «Вот я иду по пустыне ночью – за мной двое моих друзей – моих учеников... сонный верблюд встает, когда мы приближаемся... песней мы заглушаем вой шакалов». Когда он устает, мы идем молча, прислушиваясь к звукам пустыни. Но идем, зараженные его подъемом, его ритмом, его петрововодкинской жадностью ко всем явлениям мира. Усталость овладевает нами только тогда, когда путь кончен.

РЕЧЬ НА ГРАЖДАНСКОЙ ПАНИХИДЕ В ПАМЯТЬ КУЗЬМЫ СЕРГЕЕВИЧА ПЕТРОВА-ВОДКИНА

П. К. Голубятников

На нас смотрят полотна художника. Через них он говорит с нами. Мы можем задать целый ряд вопросов, и они ответят нам. Они, эти холсты, возбудят в нас чувства и мысли... Так было в прошлом, так будет в будущем. Я уверен, что произведения Петрова-Водкина будут изучаться многими поколениями живописцев, так как в них заложены основы новой живописи, живописи грядущих поколений.

Но сегодня я хотел бы вспомнить самого Кузьму Сергеевича... Вижу я его в нашей академической мастерской, идущего от этюда к этюду, мы столпились все вокруг него. Мастерская напряженно впитывает указания и объяснения Кузьмы Сергеевича. В наших сердцах укрепляется вера в живопись.

Нам раскрываются законы формы, цвета и композиции/пространства. А какие чудные дни были, когда обсуждались эскизы на заданные темы: «Утро», «Человек в пейзаже», «Голова», «Обед», «Гроза», «В трамвае» и др. Приносилось на обсуждение то, что выливалось после предельных усилий нахождения предельного образа и предельной выразительности. Время летело, и мы его не замечали. Оно переставало существовать. Тут перед нами проходили итальянские мастера, французские мастера, а, главным образом, возникали в памяти образы работ Андрея Рублева и Александра Андреевича Иванова.

Вижу Кузьму Сергеевича в семейной обстановке среди знакомых льется его неиссякаемый юмор и острота мысли. Он застрельщик общего задора и жизнерадостности.

Вспоминаются доклады Кузьмы Сергеевича на собраниях художников, рисуются контуры Большой советской живописи. Внедряется определение живописца как работника «науки видеть».

Конференция в Академии Художеств... Вижу Кузьму Сергеевича грозного и беспощадного критика пошлых методов, поверхностных подходов к живописи и пустоты работы.

Мне кажется, что сегодня мы здесь присутствующие художники, должны поставить вопрос о глубоком изучении полотен Кузьмы Сергеевича и его теоретических установок.

Если бы Кузьма Сергеевич был бы сейчас с нами, он ярко и образно нарисовал бы нам перспективу развития «Большой Советской Живописи», о которой он так часто говорил в противовес живописи Герта. Он говорил, что живопись должна активно действовать и перерождать человека, что живопись пересоздает быт, что живопись углубляет и улучшает отношения человека к окружающему...

Помнится мне поездка летом в 1920 г. в Новгород с Кузьмой Сергеевичем и Чупятовым. Задумана была поездка с целью изучения памятников Новгородской живописи. Острое и бодрое впечатление осталось о путешествии. Мы обошли все выдающиеся памятники Новгородской живописи и архитектуры. Бодрое и веселое настроение не покидало нас и, в особенности, Кузьму Сергеевича, который даже ухитрялся принимать по пути солнечные ванны. Сколько ценных мыслей было высказано и сколько ценнейших технических объяснений дано. Природа и живопись сливались у нас в одно целое. В одной из деревень по пути нас угостили чистым липовым медом, янтарно-желтого цвета, что послужило поводом для Кузьмы Сергеевича начать с нами очень интересную и глубокую беседу о желтом цвете. Кузьма Сергеевич природу и все окружающее воспринимал под углом живописи. Каждый предмет и каждое явление, прежде всего, поражало его зрительный аппарат, как живописца. Он сам много говорит об этом в своей книге «Хлыновск» и «Пространство Эвклида».

В последний год его жизни, летом, в природе наблюдалось очень редкое явление – это зеленый луч. Я наблюдал его на Сивер-

ской. Он настолько глубоко заинтересовался этим явлением, что завел переписку с Академией Наук и много читал по этому вопросу.

Кузьма Сергеевич 16 лет работал с молодежью. Он создал целый ряд крупных художников. Он придавал своей работе с молодежью большое значение, и только суровая болезнь оторвала его от этого дела. Сколько сил и энергии он вложил в это дело! Он стремился внести в неразбериху обучения молодежи ясный и четкий метод воспитания художника. Осевой метод построения формы. Метод изучения цвета, воспитания глаза. Методы построения пространства. Строго определило у него последовательность замысла, образа и воплощения в живописи.

Никогда не забуду его напутствия и советы при отъезде моем на работу в Художественный институт в Киеве. Много часов мы провели в беседах.

Резкая критика к Академии, вследствие программной путаницы и пустых работ, выражалась, например, в таких фразах как: «В академии заварили большой котел, а соли забыли положить». Кузьма Сергеевич приходил усталый и разбитый с заседаний Академии. Болезнь развивалась, и он принужден был бросить педагогику. Но задачи воспитания художника беспокоили его, и он в 1925-1926 гг. выступал опять на конференции в Академии художеств, критикуя постановку обучения. И закончил словами «чисто, светло и тепло, а главное – живопись – выброшена в окно». Так сурово всегда громил он дешевое и легковесное в живописи. Сурово подходил и к своим холстам. Перерабатывая и, если нужно, уничтожая их. Мне близко знаком процесс создания многих композиций Кузьмы Сергеевича, который часто показывал их в периоде их развития. («Кузьма Сергеевич три года назад посетил приглашенный моими учениками студию, где я руковожу. Он долго беседовал о живописи, причем беседа затянулась до позднего часу».)

Он интересовался моей живописной работой до последних дней, внося ценные советы. Кузьма Сергеевич, как член комиссии по оформлению Дворца Советов, должен был выехать в Москву осенью этого года. Но телеграмма с приглашением застала его больным. «Ноги, как бревна, не двигаются, а ехать надо, надо». Но он слег в больницу.

Кросписи Кузьма Сергеевич разработал тематику больших стен. Он увлекался предстоящей ему работой и не верил в невозможность выздоровления. Его возмущала слабость и беспомощность человеческого организма.

За несколько дней до смерти я сидел у его постели, передо мной лежал маленький высохший человек. И вдруг мне вспомнился ясно 1 год. Мое посещение выставки «Мир искусства» «Купание Красного Коня», и бодрое чувство ожило во мне. Особый твердый материальный контраст цветов, взятых в композиции, вновь поразил меня. Ясность композиционной нагрузки холста, иконописная лаконичность. Динамический рисунок. С самых юных лет я любил цвет, и вот этот цвет, он в живописи. Это определило мой путь как живописца. Я почувствовал родство тогда к незнакомому мне автору, а теперь здесь лежащему, близкому и любимому. Одна за другой проносились картина К<узьмы> С<ергеевича> в голове моей, и я чувствовал, что пройдут далекие годы, а мастер живописи Петров-Водкин будет жить на пользу будущих художников.

Февраль 1939 года.